

О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РЫЛЕЕВУ РЕЦЕНЗИИ НА «МНЕМОЗИНУ»

Сообщение М. К. Константинова

Объем литературной деятельности декабристов во всем ее разнообразии оказалось по силам установить только советской науке. Исследователи прежнего времени не представляли себе подлинных размеров, значения и форм этой деятельности, а зачастую даже не подозревали о многих ее сторонах. Только в наше время поставлены впервые вопросы о художественной прозе декабристов, об их публицистике, об их исторических и экономических исследованиях, о трудах по философии, по естественно-историческим и физико-математическим наукам. В многосторонней литературной деятельности декабристов долгое время внимание исследователей привлекала лишь поэзия, иногда — крайне редко — литературная критика, но и то и другое изучалось в полном отрыве от истории декабристского движения. Между тем не только декабристская поэзия или декабристская критика, но вся разнообразная деятельность декабристов на разных участках культурного фронта теснейшим образом и совершенно органически связана с их революционным делом. Литературная работа декабристов была лишь одной из граней их политической деятельности. Поэтому-то собрать и изучить литературное наследие декабристов во всей полноте — одна из существенных задач советского декабристоведения.

Впервые учет разнообразных памятников декабристской мысли был сделан в «Библиографии» Н. М. Ченцова, вышедшей в 1929 г. Он не только использовал все существовавшие в то время библиографические источники, но и положил немало труда, чтобы отыскать затерявшиеся в старых изданиях произведения декабристов. Ченцов обследовал периодические издания начала прошлого века, альманахи того времени, газеты, разные зарубежные издания, тщательно изучил «вольную печать» на русском языке и т. д. Обращение к первоисточникам позволило установить и впервые ввести в научный оборот большое количество разнообразных литературных произведений и научных трудов, вышедших из-под пера ранних русских революционеров. «Библиография» Ченцова не только дала возможность значительно пополнить фонд произведений декабристов (А. А. и Н. А. Бестужевых, В. К. Кюхельбекера, Ф. Н. Глинка, А. О. Корниловича, бр. Бобрищевых-Пушкиных, Д. И. Завалишина и др.), но и присоединила к ранее известным именам несколько новых: например, П. А. Муханова, В. С. Норова.

Однако, при всей своей значительности, труд Н. М. Ченцова не может считаться исчерпывающим, и с его появлением необходимость дальнейших библиографических розысканий не исчезла. Нуждаются в дополнительном обследовании даже те периодические издания, которые уже были в какой-то степени изучены историками литературы и библиографами, в том числе и самим Ченцовым. В периодических изданиях двадцатых годов можно обнаружить ценнейшие материалы, оставшиеся незамеченными

при прежних библиографических поисках. Произошло это главным образом оттого, что авторы такого рода библиографических работ, в том числе и Н. М. Ченцов, не были достаточно знакомы с историей декабристского движения, и потому смысл многих произведений оставался для них неясным; по той же причине они не сумели раскрыть некоторые псевдонимы (или буквенные обозначения), под которыми часто скрывались декабристы. А наряду с этим приходится отметить пропуски и недосмотры, явившиеся результатом простой небрежности. Наконец, некоторые издания того времени совсем не были привлечены Ченцовым для библиографического учета литературных произведений декабристов, хотя уже а priori можно было предположить, что декабристы сотрудничали в этих изданиях. К таким изданиям относятся, например, «Военный журнал» (1817—1819), где сотрудничали члены Тайного общества, «Северная пчела» за 1825 г. — год, когда Булгарин усиленно стремился сблизиться с прогрессивными литературными кругами, «Тифлиссские ведомости» в первый период их существования, когда в них принимали участие находившиеся на Кавказе декабристы. Одним из активнейших сотрудников «Военного журнала» был И. Г. Бурцов; сотрудничал он и в других изданиях, между тем в «Библиографии» Ченцова не указано ни одной работы этого крупнейшего среди декабристов писателя по военно-теоретическим и военно-историческим вопросам. Не был предпринят Ченцовым, как уже сказано, просмотр «Северной пчелы», вследствие чего в его «Библиографии» оказались пропущенными некоторые стихотворения и прозаические произведения Ф. Н. Глинки («Северная пчела», 1825, №№ 59, 60, 74, 81, 91, 102, 127, 154); пропущена рецензия А. О. Корниловича на «Труды Общества древностей российских» (там же, № 6; за подписью: А. К.); не указан очерк А. И. Якубовича, появившийся в «Северной пчеле» незадолго до 14 декабря¹; остались незамеченными некоторые переводные и оригинальные произведения А. А. Бестужева (там же, №№ 84, 87, 93, 98, 102, 105, 115).

Приведем еще один характерный пример пропусков, связанных с именем А. А. Бестужева. М. А. Бестужев в своих «Записках» рассказывает: «Первыми по времени литературными произведениями брата Александра были „Критический разбор комедий князя Шаховского“, который и был причиною псевдонима Марлинского; потом „Критика на перевод Катенина Руссо — Эсфирь“ чуть не вовлекла его в дуэль с переводчиком»². Однако, несмотря на такое ясное указание, вторая из названных М. А. Бестужевым статей в «Библиографию» Ченцова не вошла, хотя она напечатана в том же самом журнале («Сын отечества»), где помещен и включенный в «Библиографию» разбор комедии Шаховского «Липецкие воды». Но, мало того, обе эти статьи были не первыми печатными выступлениями А. А. Бестужева; как ошибочно сообщал М. А. Бестужев. Им предшествовал ряд статей в журналах того времени, из которых ни одна не зарегистрирована в указателе Ченцова.

Подобных ошибок и пропусков в «Библиографии» немало. Но даже те примеры, которые мы привели, наглядно показывают, что труд этот невозможно считать исчерпывающим. Тем самым диктуется настойчивая необходимость дальнейших интенсивных розысканий в этой области.

Почему-то особенно невнимательно обследован был журнал «Благонамеренный», вследствие чего в «Библиографию» Ченцова не попали многие произведения А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера³ и других декабристов. Это невнимание к «Благонамеренному», которое было проявлено и позднейшими исследователями (например, Ю. Н. Тыняновым и Н. И. Мордовченко), в значительной степени обусловлено политической и литературной позицией журнала. Однако еще в труде Н. П. Коллюпанова (1889 г.) было отмечено, что декабристы принимали активное

участие в журнале Измайлова⁴. Действительно, несмотря на отрицательное отношение к «Благонамеренному», будущие декабристы порой пользовались страницами этого журнала как трибуной для своих выступлений. Причины были разнообразны и в каждом отдельном случае объяснялись какими-либо специфическими обстоятельствами, но важно то, что такие случаи бывали, и это обязывает исследователей более внимательно присмотреться к страницам «Благонамеренного». В числе материалов, обнаруженных там, оказались статьи М. Ф. Орлова⁵ и, как мы постараемся доказать, Рылеева.

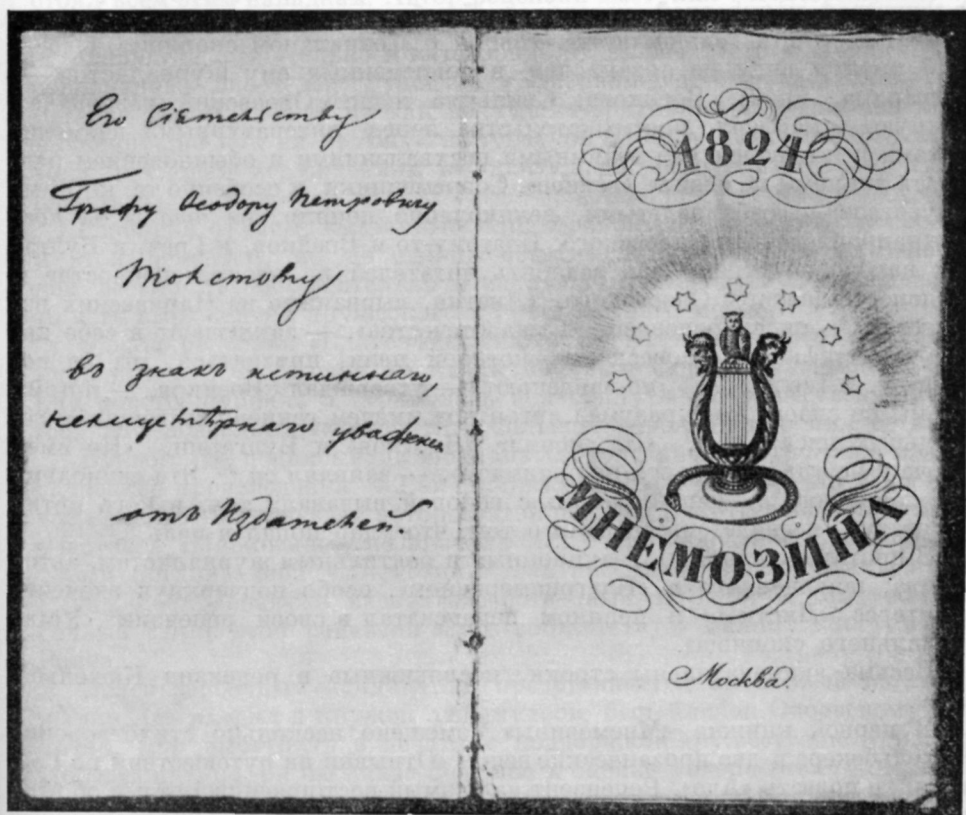
В 1824 г. вышла первая часть «Мнемозины», издававшейся В. К. Кюхельбекером и В. Ф. Одоевским. «Мнемозина» была задумана как журнал, но добиться разрешения на издание журнала было чрезвычайно трудно, и потому «Мнемозину» стали выпускать в виде альманаха. Белинский, вспоминая впоследствии об этом издании, называл его «журнал-альманах»⁶.

Выход «Мнемозины» был крупным событием в журналистике и литературе преддекабрьского периода. Один из современников, К. А. Полевой, так формулировал свои впечатления: «...там были неведомые до того взгляды на философию и словесность <...> Это был первый смелый удар старым теориям, нанесенный рукою неопытною, но, тем не менее, удар меткий»⁷. «Мнемозина» обратила на себя внимание широтой интересов, смелостью суждений, резкими приговорами, боевым задором, новизной точки зрения на общепринятые понятия. Одним из восторженных читателей этого журнала был молодой Белинский. Когда в 1838 г. Булгарин иронически назвал «Московский наблюдатель» продолжателем «Мнемозины», Белинский писал: «...мы принимаем это обвинение за комплимент и чувствительно благодарим за него, если только г. Булгарин смотрит на „Мнемозину“, как на такой журнал, предметом которого было — искусство и знание»⁸. Вспоминая в 1844 г. напечатанные в первой книжке «Мнемозины» произведения В. Ф. Одоевского (главным образом, его аполог «Старики или остров Панхай»), Белинский писал: «...юношество читало их с жадностью и благодарны были плоды этого чтения. Мы знаем это по собственному опыту, и кто умеет судить о достоинстве вещей не по настоящему времени, а по их историческому смыслу, кто помнит состояние нашей литературы в ту эпоху, когда лучшими журналами в России были „Вестник Европы“ и „Сын отечества“ и еще не было „Московского телеграфа“, когда читающая публика была несравненно малочисленнее нынешней, те согласятся с нами»⁹. Белинский счел нужным целиком перепечатать в своей статье этот аполог Одоевского, полагая, видимо, что это произведение, написанное за двадцать лет до того времени, не утратило интереса для позднейших читателей. Белинский утверждал даже, что именно в «Мнемозине» впервые заговорили о «мысли и логике» — «предметах, о которых до „Мнемозины“ русские журналы не говорили ни слова»¹⁰. Советские исследователи — историки русской журналистики — с полным правом и вполне обоснованно включают «Мнемозину» в число важнейших декабристских печатных органов, ставя ее в один ряд с «Полярной звездой»¹¹.

Первые же книжки «Мнемозины» сделались предметом живой журнальной полемики. В журнале Воейкова «Новости литературы» и в «Сыне отечества» Греча появились отрицательные рецензии. Автором рецензии в «Новостях литературы» был сам Воейков, автор рецензии в «Сыне отечества» остался неизвестным. В «Литературных листках» с критическим разбором «Мнемозины» выступил Булгарин; разбор был внешне благожелателен, но в нем звучали нотки снисходительного покровительства и он был выдержан в правоучительном тоне. Отмечая интерес, свежесть, оригинальность статей и «благородные чувствования» авторов, Булгарин предостерегал их в то же время от «излишней само-

надеянности» и проницательно советовал «больше думать о грамматике»¹². Позже Булгарин сбросил маску и выступил решительным противником нового издания¹³.

На этом фоне резко выделялась апологетическая рецензия в «Благонамеренном», подписанная буквой «Р»¹⁴. Рецензент останавливается, главным образом, на прозаических статьях «Мнемозины», которые он характеризует как отличающиеся «чистым, правильным языком, чуждым

«МНЕМОЗИНА» НА 1824 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Ф. П. ТОЛСТОМУ

«Его сиятельству графу Федору Петровичу Толстому, в знак истинного, нелицемерного уважения от издателей»

Автограф В. Ф. Одоевского

Собрание В. А. Десницкого, Ленинград

уродливых существительных и перековерканных прилагательных». Он хвалит аполог Одоевского «Старики или остров Панхай», написанный «со всем остроумием и веселостью, свойственными сатирическому предмету», с похвалой отзываясь об отрывке из «Записок» Д. В. Давыдова и письме М(атюшкина). Наибольшее же внимание уделено в рецензии второму сатирическому произведению Одоевского «Листики, вырванные из Парнаских ведомостей» и статье Кюхельбекера. О «Листках» неизменно упоминают биографы Одоевского и авторы статей о декабристской журналистике, однако смысл этой остроумной, аллегорической сатиры трактуется весьма односторонне. П. Н. Сакулин видел в ней исключительно сатиру на споры карамзинистов — членов «Арзамаса» — с пишковистами. «Одоевский, — утверждал Сакулин, — осмеивает тех и других»¹⁵.

Это суждение, без каких бы то ни было поправок и добавлений, принято и повторено в «Очерках по истории русской журналистики и критики»¹⁶, хотя, как известно, «Арзамас» в 1818 г. прекратил свое существование, и Одоевскому в 1824 г. незачем было избирать мишенью своей сатиры давно не существующее литературное общество. На самом деле полемическая статья Одоевского имела иной адрес и была направлена против тогдашних журнальных группировок. Основная идея сатиры Одоевского выражена в «Уставе гениального скопища»; в последнем П. Н. Сакулин, совершенно не учитывая конкретной исторической обстановки, усматривал «Арзамас»¹⁷. В действительности же, говоря о «гениальном скопище», Одоевский имел в виду не арзамасцев, а современных ему журналистов — Булгарина, Греча, Воейкова, Свинына и др. Одоевский разоблачал затхлую атмосферу пресмыкательства перед литературными знаменитостями и издевался над взаимными восхвалениями и обыкновением раздавать дипломы на звание «гениев». Современники, и особенно те, которые почувствовали себя задетыми, великопечно поняли, на *что* и на *кого* был направлен удар Одоевского. Поэтому-то и Воейков, и Греч, и Булгарин наперебой стремились заверить читателей в «неопределенности» и «неясности» сатиры Одоевского. «Листки, вырванные из Парнасских ведомостей, — писал рецензент «Сына отечества», — заключают в себе какую-то метафизику словесности, которой цели, признаться, мы не поняли»¹⁸. «Листки <...> не завлекают, — утверждал Воейков, — потому что мы не знаем, кого разумел автор под именем гениев, подгениев и гениальных писарей»¹⁹. «Не понял» «Листков» и Булгарин. «Не имея ключа к разгадке, мы оной не понимаем», — заявлял он²⁰. Эти единодушные заявления о «непонимании» с головой выдавали тех, в кого метил Одоевский, и свидетельствовали о том, что удар попал в цель.

В противоположность реакционным и рептильным журналистам, автор отзыва, помещенного в «Благонамеренном», особо подчеркнул значение и интерес «Листков» и целиком перепечатал в своей рецензии «Устав гениального скопища».

Весьма знаменательны строки, посвященные в рецензии Кюхельбекеру.

В первой книжке «Мнемозины» помещено несколько стихотворений Кюхельбекера и две прозаические вещи: «Отрывки из путешествия по Германии» и повесть «Адо». Рецензент дал самый восторженный отзыв об этих произведениях. Он отмечает увлекательность рассказа, красноречивую убедительность повествования, пламенный слог. О повести «Адо» сказано: «Благородный, возвышенный слог, новизна лиц и места, характеры действующих лиц — все показывает отличный талант и призвание автора».

Эта характеристика имела определенную полемическую направленность. Проза Кюхельбекера в первом выпуске «Мнемозины» явилась главной мишенью нападок журналистов. Рецензент «Сына отечества», неискусно каламбуя, утверждал, что статья о Дрезденской галерее, «посвященная торжеству изящных искусств», написана «не с приличным предмету изяществом» и что русский язык в ней неправилен. Слог же в повести «Адо» он находил слишком напыщенным, а «язык — тяжелым и неровным». Воейков именовал прозу Кюхельбекера «темной» и «запутанной» «относительно к языку и слогу». Он заполнил три с половиной страницы выписками из статей Кюхельбекера, распределив их по трем рубрикам: 1) «странность слов и выражений», 2) «несоблюдение правил грамматики и синтаксиса», 3) «смесь всех тонов и всех родов слога». Заканчивал он свой разбор пространным и резким нравоучением: «Автору хотелось быть оригинальным. Он делает усилия и, вместе с многими нынешними прозаиками, забывает что *оригинальность* не всегда похвальна, что в иных случаях надобно тщательно избегать ее, что

она не есть верный признак ума и дарования и что иногда, показывая дурной вкус, близка к уродливости или, по крайней мере, к странности»²¹. Булгарин с похвалой отозвался о цели повести Кюхельбекера, отметил «благородные чувствования любви к отечеству» и «благородный характер» автора, но, вместе с тем, нашел нужным подчеркнуть его «самонадеянность»²²; к Кюхельбекеру же, несомненно, относится совет Булгарина не забывать о грамматике.

Отзыв «Благонамеренного», как мы уже указывали, резко противостоял всем этим нападкам. Автор рецензии выступил с подчеркнутой, прямой апологией Кюхельбекера и, вопреки единодушному мнению рептильных журналистов, решительно и категорически включил его в разряд лучших современных писателей. Рецензия «Благонамеренного» заставляла смотреть на Кюхельбекера не как на чудака-оригинала или самонадеянного выскочку, но как на крупную литературную силу и интересного мыслителя, к словам и суждениям которого надлежало внимательно прислушиваться.

Разбирая отзывы, вызванные «Мнемозиной», П. Н. Сакулин коснулся и этой рецензии, но не оценил ее смысла и значения. Он отнесся к ней весьма пренебрежительно и насмешливо именовал «своей рецензией», то есть выражением дружеского и пристрастного мнения²³.

Однако рецензия «Благонамеренного» в действительности имеет совсем иной смысл. Она вышла из круга идейных единомышленников редакции нового журнала и стремилась подчеркнуть его общественное значение. Это позволяет установить с большой вероятностью имя ее автора.

Буквой «Р» подписывали в двадцатые годы свой поэтический или прозаические произведения — Раич, Рожалин, Рылеев. Раич ни в коем случае не может быть назван автором этой рецензии. Хотя позже он и принял участие в «Мнемозине», но вначале был очень недоволен Одоевским, который организацией «Мнемозины» фактически разрушил планы кружка Раича, собиравшегося издавать собственный журнал. К тому же энергичный стиль этой рецензии мало соответствует вялому слогу писаний Раича.

Более вероятным кандидатом представляется на первый взгляд Рожалин. Он входил в кружок Любомудров, был близок Одоевскому и, конечно, мог выступить в печати с поддержкой дружественного издания. Но, несомненно, он бы иначе подошел к оценке содержания «Мнемозины» и выдвинул бы на первый план не публицистические стороны нового издания, как это сделал рецензент «Благонамеренного», а проблемы философские и эстетические. Добавим, к тому же, что Рожалин ни ранее, ни позже не сотрудничал в «Благонамеренном» и едва ли стал бы именно в этом журнале выступать с пропагандой «Мнемозины». Рожалин, вообще, начал печататься лишь в 1825 г., в начале 1824 г. он был еще студентом.

В рецензии, в которой на первый план выдвинуты мотивы общественные, характерен апологетический тон в отношении к Кюхельбекеру, вокруг имени которого уже сложилась определенная репутация как человека «крайнего» и «опасного». Не следует забывать также и того обстоятельства, что в эстетических воззрениях Кюхельбекер (как это уже отмечено П. Н. Сакулиным) значительно расходился с Любомудрами, в частности — и с ближайшим своим товарищем по изданию, В. Ф. Одоевским. Рожалину и Раичу были гораздо ближе воззрения Одоевского, и трудно допустить, чтобы из-под пера одного из них (или вообще кого-либо из кружка Любомудров и близких им людей) вышло такое восторженное и безоговорочное признание статьи Кюхельбекера о Дрезденской галерее.

Несомненно, что автор рецензии, напечатанной в «Благонамеренном», принадлежал к кругу революционно настроенной молодежи, из которого вышли будущие декабристы, но никак не к кругу Любомудров, — они

в это время увлекались немецкой философией, а не политикой²⁴. Но именно о немецкой философии в рецензии не упоминается ни единым словом, хотя повод давала сама программа журнала: Одоевский в программе особо подчеркнул интерес редакции к проблемам, поднятым современной немецкой философией. Отметим еще одну мелкую, но характерную деталь. О стихах, помещенных в «Мнемозине», автор рецензии говорит очень скупой и сдержанно, однако находит нужным указать, что стихотворение Кюхельбекера «Святополк» ранее было уже помещено в иной редакции в «Полярной звезде».

Таким образом, наиболее вероятным автором рецензии в «Благонамеренном» представляется Рылеев.

Вполне понятно, почему Рылеев выступил с поддержкой «Мнемозины» именно в «Благонамеренном». Другие петербургские журналы заняли, как мы уже говорили, враждебную позицию; кроме того, с Булгариным, в руках которого находилось несколько журналов, Рылеев в то время порвал отношения. Он мог бы, конечно, поместить свою рецензию в «Соревнователе», но ему, очевидно, было важно привлечь к новому изданию внимание разнородных общественных кругов, а «Благонамеренный» имел довольно широкую провинциальную аудиторию. Наконец, Рылеев и ранее сотрудничал в этом журнале, поместив в нем в 1820 г. несколько своих стихотворений. Самому Измайлову направление журнала Кюхельбекера и Одоевского было, конечно, чуждо, но до 14 декабря издатель «Благонамеренного» любил цеголить объективностью, подчеркивая свою терпимость к различным литературным и политическим группировкам.

Данная рецензия имеет большое историко-литературное значение. До сих пор была известна только одна критическая статья Рылеева: «Несколько мыслей о поэзии», опубликованная в «Сыне отечества» за месяц до восстания²⁵. Рецензия на «Мнемозину» расширяет наши представления об активном участии вождя Северного общества в литературной борьбе своего времени.

Статья «Несколько мыслей о поэзии» помогает понять, почему Рылеев счел нужным выступить с апологетической рецензией на «Мнемозину». Рецензия в «Благонамеренном» и последующая статья в «Сыне отечества» как бы дополняли друг друга. Обе они имеют ярко выраженный боевой характер; в своей статье Рылеев приветствовал искания новых путей в литературе, требовал критической смелости, борьбы с косностью, восставал против удручающей власти признанных авторитетов. «Великие труды и превосходные творения некоторых древних и новых поэтов, — писал Рылеев, — должны внушать в нас уважение к ним; но отнюдь не благоговение, ибо это противно законам чистой нравственности, унижает достоинство человека и, вместе с тем, вселяет в него какой-то страх, препятствующий приблизиться к превозносимому поэту и даже видеть в нем недостатки. Итак, будем почитать высоко поэзию, а не жрецов ее, и, оставив бесполезный спор о романтизме и классицизме, будем стараться уничтожить в себе дух рабского подражания и, обратясь к источнику истинной поэзии, употребим все усилия осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин, всегда близких человеку и всегда не довольно ему известных»²⁶. «Мнемозину» Рылеев сразу воспринял как верного соратника в борьбе с реакционной и бульварной литературой и немедленно выступил с решительной и страстной защитой нового издания, искусно определив и подчеркнув его общественное значение.

В статье «Несколько мыслей о поэзии» Рылеев писал об общественных обязанностях и общественной ответственности писателя. Этим требованием и вызван тот единственный упрек, который содержится в рецензии на «Мнемозину». Упрек направлен по адресу автора куплетов для оперы

водевиля «Кто брат? Кто сестра?» В «Мнемозине» было названо только имя композитора (Верстовского), но, конечно, Рылеев хорошо знал, что авторами водевиля были Грибоедов и Вяземский, а стихотворные куплеты написаны, по большей части, Вяземским. В брошенном как будто вскользь замечании о напрасной и неудачной трате «счастливого таланта» можно видеть обвинение по адресу писателей, склонных иногда забывать о своих прямых задачах и о своей ответственности перед обществом.

Приводим текст рецензии «Благонамеренного»:

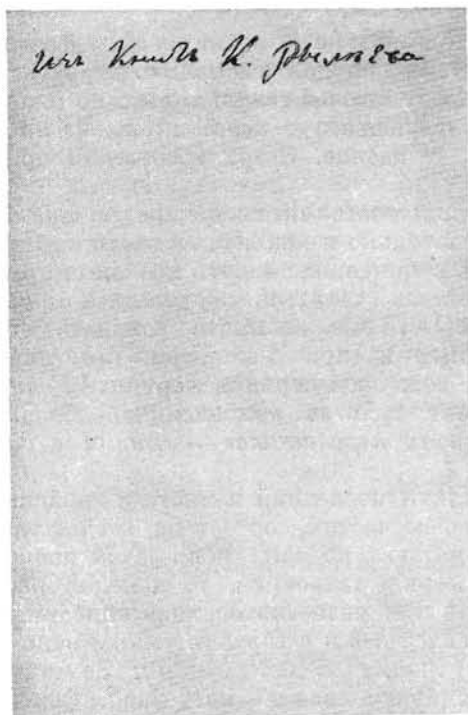
МНЕМОЗИНА,

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В СТИХАХ И ПРОЗЕ,
ИЗДАВАЕМАЯ КН. В. ОДОЕВСКИМ И В. КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ. ЧАСТЬ I

Москва. В типографии Императорского московского театра. У содержателя
А. Похорского

Издатели в полной мере заслуживают признательность читающей публики, совершенно выполнив обещанное в объявлении о *Мнемозине*: в наше просвещенное время это довольно редко, и мы радуемся за издателей и за читателей.

Прозаические статьи в *Мнемозине* отличаются чистым, правильным языком, чуждым уродливых существительных и перековерканных прилагательных. Первая прозаическая статья: *Старики, или остров Панхаи*, написана со всем остроумием и веселостию, свойственными сатирическому предмету. Вторая статья: *Извлечение из Записок генерал-майора Д. В. Давыдова о кампании 1808 года в Финляндии*. Кто не знает нашего партизана-

«ОПЫТЫ В СТИХАХ И ПРОЗЕ» К. Н. БАТЮШКОВА, ИЗД. 1817 г.
ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА

Литературный музей, Москва

писателя? Говорить ли о достоинствах его слога? О его выразительном изложении мыслей? Лишнее! Давыдов известен как отличный литератор, и читатели *Мнемозины* с удовольствием и пользою прочтут его Записки. 3. *Отрывок из путешествия по Германии В. Кюхельбекера*. Автор описывает Дрезденскую картинную галерею, красноречиво излагает свои мысли о красотах и недостатках великих художников, пленительно описывает картины Метсю, Дау, Баттониеву Магдалину; потом рассказывает о свидании своем с Гёте, де Ветте и пр. Все шесть писем написаны пламенным слогом, и читатель может быть недоволен только одним: зачем г. Кюхельбекер напечатал только шесть писем? 4. *Адо. Эстонская повесть*. Повесть его же, г. Кюхельбекера. Благородный, возвышенный слог, новизна лиц и места, характеры действующих, — все показывает отличный талант и познания автора. 5. *Извлечение из письма к Е. А. Э — у г-на М.* знакомит нас с юкагирами и счастливыми способностями автора этого письма, умевшего рассказать на четырех страничках много нового, занимательного и любопытного. 6. *Листки, вырванные из Парнасских ведомостей К. Одоевского*. Вот отрывок из этих любопытных листков:

Устав гениального скопища.

а) *О гении и его должности*. — Гений есть человек, одаренный чем-то необыкновенным, неизъяснимым, новым; для того, чтоб быть гением, не требуется ни обширных познаний, ни ума высокого; потребно только, чтобы он всем от других был отличен.

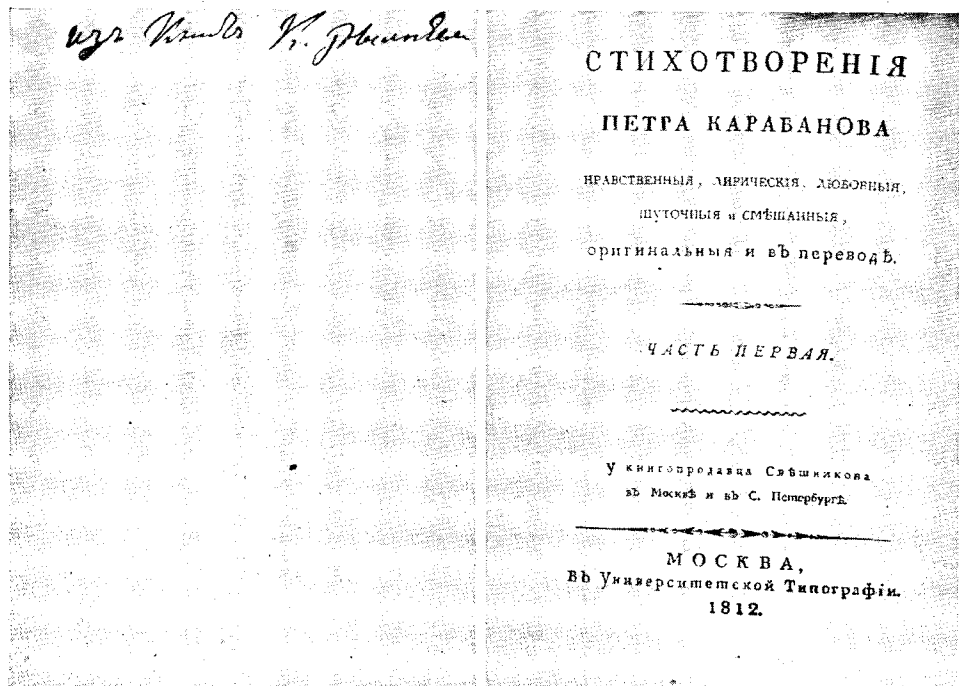
Внезапно пораженный вдохновением гений выдумывает систему, или, другими словами, какое-либо мнение, какого до тех пор не слыхано было. Для распространения оного мнения гений имеет много сподручников, из коих первый — *подгений*.

б) *О подгении и его должности*. — Подгению не позволяется выдумывать своего собственного мнения, или системы; он должен только стараться о распространении и приложении повсюду мыслей гения: только по окончании двухгодичного бессмертия сего последнего — *подгений* может произвести какое-либо свое собственное суждение. Сверх того гений чрез своего подгения сообщает с

с) *Гениальными писарями* *, коих должность: читать сочинения одного гения, об них только и рассуждать, их только и хвалить; ставить из них одних эпиграфы на своих собственных сочинениях; писать послания друг к другу, в коих выхвалять одного гения; стараться подделаться к его слогу, рабски подражать ему, сверх того не забывать величать его *преобразователем языка отечественного* и при малейшем чьем-либо покушении на славу его — грозно омокать свои перья в чернила! Гений же, в благодарность за сие, поставит себе за непрременную обязанность при всяком случае называть своих *переписчиков* — *людьми с дарованиями*.

д) *Гениальные рассыльщики* составляют последний и многолюднейший класс гениального скопища. Они большею частию состоят из любителей, которые ничего не пишут, ничего не читают; но как скоро гений почувствует себя беременным новым каким-либо творением, то немедленно распускают слух о том по целому городу или развозят наскоро списанные отрывки из творений гения и его переписчиков и с торжественным видом, за тайну, показывают каждому встречному и поперечному. Заметить должно, что когда при рассыльщиках будут хвалить кого-либо, только не их гения, то они должны, сохраняя глубокое молчание, хором пожи-

* В тексте «Благонамеренного» — опечатка: генеральными писарями.

**«СТИХОТВОРЕНИЯ ПЕТРА КАРАБАНОВА», Ч. I, ИЗД. 1812 г.
ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА**

Литературный музей, Москва

мать плечами; но такать и значительно кивать головою, когда дело дойдет до самого гения, и проч. ... (стр. 179—181).

Перевод *Многомеров* из *Жан-Поля* заключает прозаические статьи *Мнемозины*.

Между стихотворениями отличается прекрасный отрывок из комедии: *Аристофан, князя Шаховского. Святополк окаанный*, соч. Кюхельбекера, напечатанный в *Полярной звезде* на 1824 год, перепечатан в *Мнемозине* с большими переменами и совсем в другом виде. Из двух эпиграмм кн. Вяземского, помещенных в *Мнемозине*, первая давно уже напечатана в *Благонамеренном* *. При книжке приложены ноты двух романсов из водевиля: *Кто брат? Кто сестра?* Сочинитель музыки, г. Верстовский, известен своим счастливым талантом. Жаль, что слова сих романсов не показывают счастливого таланта родителя их ²⁷.

Р.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. сообщение М. К. Азадовского «К вопросу о литературной деятельности А. И. Якубовича». — «Лит. наследство», т. 60 (печатается).

² Бестужевы, стр. 284.

³ См. в настоящем томе наше сообщение, стр. 547—554.

⁴ Н. П. Колупанов. Биография А. И. Копелева, т. I, ч. 2. М., 1889, стр. 30.

⁵ «Замечания на перевод статьи г. Жомини „Краткое обозрение военной истории со времен Людовика XIV до наших времен“ и разбор некоторых новейших сочинений в особенности описания похода 1809 года Александра де ла Барда и Пелета и Истории войны 1812 года генерала Бутурлина». — «Благонамеренный», 1825, № 10 (подписано: М. О.). Под статьей обозначено: «Киев, 5 февраля 1825 г.».

* См. «Благонамеренный», 1820, № II, стр. 129. — *Прим. в журнале.*

Эти данные вполне соответствуют фактам биографии М. Ф. Орлова, который прибыл из Москвы в Киев в начале января 1825 г. (на свадьбу С. Г. Волконского и М. Н. Раевской), оттуда совершил деловую поездку в Крым и вновь вернулся в Киев в мае того же года.

Все эти обстоятельства выясняются из неизданных писем М. Ф. Орлова, хранящихся в ЦГЛА.

Перевод, на который написана настоящая рецензия, был помещен в «Сыне отечества», 1825, №№ 2 и 3; переводчик скрылся за подписью: Д — н И...ий.

⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IX. СПб., 1910, стр. 4.

⁷ Ксенофонт Полевой. Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого. — В кн.: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Ред., вступ. статья и комментарий В. Н. Орлова. Л., 1934, стр. 150.

⁸ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III. СПб., 1901, стр. 376.

⁹ Там же, т. IX, стр. 9.

¹⁰ Там же, т. III, стр. 376.

¹¹ Н. Л. Степанов. Критика и журналистика декабристского движения. — В кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I. Л., 1950, стр. 229—235; В. Соболев. Периодическая печать в России в начале XIX века и журналистика декабристов. — Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1952, стр. 25—28.

¹² «Литературные листки», 1824, № 5, стр. 192.

¹³ Там же, №№ 21 и 22; «Северная пчела», 1825, № 127.

¹⁴ «Благонамеренный», 1824, № 8, стр. 130—135.

¹⁵ П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель, т. I, ч. 1. М., 1913, стр. 258.

¹⁶ Н. Л. Степанов. Указ. соч., стр. 231.

¹⁷ П. Н. Сакулин. Указ. соч., стр. 259.

¹⁸ «Сын отечества», 1824, № 15, стр. 34—35.

¹⁹ «Новости литературы», 1824, № 14, стр. 28.

²⁰ «Литературные листки», 1824, № 5, стр. 185.

²¹ «Сын отечества», 1824, № 15, стр. 185.

²² «Литературные листки», 1824, № 5, стр. 192.

²³ П. Н. Сакулин. Указ. соч., стр. 279.

²⁴ А. И. Кошелев. «Записки». Berlin, 1884, стр. 13.

²⁵ «Сын отечества», 1825, № 22, стр. 145—154; Рылеев. Стих., стр. 371—375.

²⁶ Рылеев. Стих., стр. 375.

²⁷ После публикуемого текста следуют строки о подписке на «Мнемозину», очевидно принадлежащие не перу Рылеева, а редакции журнала (хотя подпись Р. стоит ниже этих строк):

«Подписка на *Мнемозину* принимается в Москве, в театральной типографии г. Похорского, что у Арбатских ворот, в доме камергера Ф. Ф. Кокошкина, и во всех московских книжных лавках. Цена за все четыре части на хорошей белой бумаге, напечатанные четкими литерами, с картинками, нотами и виньетами, в красивой картонной обертке и с золотым обрезом, 30 р., а без золотого обреза — 25 р. ассигнациями. Тем же, которые благоволят подписаться вдруг на 10 экз., сделана будет уступка по 5 р. с каждого экземпляра. Иногородные прилагают на пересылку за 4 фунта».